

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ БИЗНЕСА: УРОКИ ВОСТОКА (ПЛЕНАРНЫЙ ДОКЛАД)⁶

CORPORATE SOCIAL RESPONSIBILITY: LESSONS FROM THE EAST (PLENARY REPORT)

Ссылка на статью: Бузгалин А. В. Социальная ответственность бизнеса: уроки Востока (пленарный доклад) // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса МИРБИС. – 2016. – №2 (6). С. 23-29.

5 Бузгалин Александр Владимирович – д-р экон. наук, профессор. МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Buzgalin Alexander V. – Dr. Econ. Sciences, Professor. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

6 Автор выражает благодарность О. В. Барашковой за помощь в подготовке текста к публикации.

Теоретически социальная ответственность бизнеса трактуется по-разному, и соответственно, бизнесмены понимают ее по-разному. Наиболее типично следующее понимание социальной ответственности бизнеса: мы платим налоги и соблюдаем правовые нормы. Все остальные социальные обязательства лежат на государстве, на общественных организациях, на ком угодно, но мы здесь ни при чем. Бизнес – это те, кто делают деньги. В этом случае строится определенная модель экономики с соответствующими правилами игры.

Второе понимание социальной ответственности бизнеса исходит из приоритета социал-демократических контуров экономического развития. Остановимся на этом подробнее, воспользовавшись материалами наших ранее опубликованных текстов и выделив ряд ключевых принципов, которые отличают социально ориентированное развитие и корреспондируют с проявлением социальной ответственности бизнеса⁷.

Первый принцип – последовательная ориентация на поддержку активно работающих и повышающих свой уровень квалификации для того, чтобы более успешно работать, а также тех, кто уже или еще не может работать, при полном недопущении использования госу-

дарственных ресурсов для обогащения частных лиц.

Особо важен в данном случае вопрос о наличии прогрессивного подоходного налога. Этот атрибут социальной ориентации и социального государства в политическом истеблишменте России (за исключением представителей левых партий) принято игнорировать. Между тем прогрессивный подоходный налог – это аксиома цивилизованного общежития современного социума⁸. При этом *средние* налоги на *доходы* в условиях такого социально-ориентированного развития могут быть не выше, чем в рамках либеральной модели, налоги на *прибыль*, реинвестируемую в социально-, экологически-, гуманитарно-ориентированное производство и личные доходы средних слоев могут быть *минимальны*, а налоги на доходы бедных будут стремиться к нулю. Налоги же на прибыль от *посреднической деятельности*, финансовых спекуляций, производства предметов роскоши, равно как и сверхвысокие личные доходы будут максимальны.

Есть известное возражение, в соответствии с которым прогрессия подоходного налога подрывает мотивацию бизнеса. В противоположность этому утверждения можно привести тезис: хорошего предпринимателя, эффективного менедже-

7 Подробнее см.: Бузгалин А. В., Гринберг Р. С., Колганов А. И. Глобальный мир в тупике. Где выход? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 3–13; Бузгалин А. В. Социальная справедливость как стимул экономического развития // Демократический левый проект: в поисках обновления / Под общ. ред. Б. Ф. Славина, Г. Ш. Аитовой. М.: Культурная революция, 2015. С. 121–137.

8 Отметим, что на общемировом уровне необходимость введения глобального прогрессивного налога на капитал (или на богатство) как меру, направленную на снижение катастрофически возрастающего экономического неравенства, предлагает французский экономист Томас Пикетти в широко обсуждаемой среди экономистов книге «Капитал в XXI веке» (см.: Piketty Th. Capital in the Twenty-First Century / Translated by Arthur Goldhammer. Harvard University Press, 2014. Перевод на рус. яз.: Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер. А. Дунаева под ред. А. Володина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015).

ра мотивирует не только сверхвысокий денежный доход, но и само по себе творческое содержание его управленческой деятельности, признание («рейтинг») в профессиональной среде. Если же в обществе о качествах предпринимателя судят по успехам его дела, а не по тому, сколь дорогой бриллиант у него в кольце, а человека, который тратит деньги не на развитие управляемого им объекта и социальные цели, а на симулятивное личное потребление, считают достойным сожаления (в самом деле, психологи давно показали, что только весьма примитивный, нравственно недостаточно развитый и неуверенный в себе человек оценивает самого себя и окружающих по этикетке на подкладке костюма или дороговизне автомобиля), если это становится правилом нравственной и культурной жизни общества, то дестимулирующее влияние прогрессивного налога на личные доходы предпринимателя, а не рантье, минимально. Поэтому *прогрессивный подоходный налог мало затронет стимулы предпринимателя-творца, новатора*⁹. Он вызовет отрицательную реакцию не тех, кто хорошо работает, а посредников, которые паразитируют на рыночной конъюнктуре, инсайдеров, которые паразитируют на корпоративных доходах, рантье, «звезд» масс-культуры и профессионального спорта, которые паразитируют на искусственно созданных символах шоу-бизнеса, и т. п. социальных групп, снижение престижа и активности которых станет тормозом для производства разве что симулякров, но никак не подлинных материальных и культурных ценностей.

Еще одно возражение касается того, что высокий налог предприниматели не будут платить. Но здесь проблема не в величине налога, а в *социальной атмосфере в стране*. Хорошо известно, что, например, российские олигархи или просто крупные бизнесмены, которые не хотят платить полностью 13-ти процентный налог в России, с радостью уезжают в Европу, где платят свои 40-50 процентов и еще борются за право, чтобы их сделали там гражданами и дали возможность эти высокие налоги платить.

Второй принцип – использование социальной поддержки для решения задач, которые не может решить рыночно-капиталистическая система, а именно – экономическое обеспечение каждому гарантиро-

⁹ Это подтверждается и результатами моделирования, проводимого исследователями этой проблемы. Так, по расчетам А. Е. Варшавского, исходя из высокого номинального уровня неравенства доходов в России, маргинальная ставка для наиболее богатых 20% населения должна составлять примерно 20%, тогда как для 80% населения и для большей части среднего класса повышение ставки подоходного налога не должно быть существенным (см.: Варшавский А. Е. О прогрессивном налогообложении // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов: Математика. Компьютер. Образование. 2013. Т. 20. № 1-2. С. 26-39). Результаты расчетов показывают, что предлагаемое повышение ставки налога позволит в 1,5-2 раза увеличить долю расходов на науку и образование (см.: Варшавский А. Е. Анализ внешних факторов развития национальной инновационной системы России Глава 11 / Модернизация и экономическая безопасность России: Т. 3 / под ред. Акад. Н. Я. Петракова. М.; СПб.: Нестор-История, 2012).

ванного доступа к получению базовых жизненных благ: здоровья, образования, жилья, культурных услуг и минимального дохода. В условиях социально ориентированного развития дифференциация доходов не только ограничивается в своих масштабах, но и начинается с уровня выше прожиточного и не может приводить к ущемлению базовых социальных и экономических прав личности.

Нам всегда говорят, что социальное государство – это большой слой пенсионеров, безработных и т. п., которых содержит государство за счет тех, кто трудится. В этом возражении есть толика истины. Но лишь толика. Новая модель социально ориентированного развития может изменить эту ситуацию.

Во-первых, потому, что источником этих выплат будет не столько заработная плата работников, сколько *часть прибыли корпораций и сверхвысоких доходов богатых граждан*.

Во-вторых, те, кто получает социальные выплаты, могут и должны добровольно (для уже и еще нетрудоспособных) или в обязательном порядке (для трудоспособных) работать на общество, проходя в случае необходимости повышение квалификации. Для этого, опять же, можно использовать временно незанятых работников. Инициирование и организацию этой массовой бесплатной деятельности молодежи и старшего поколения могут взять на себя государство и институты гражданского общества, что существенно уменьшит нагрузку на государственный бюджет, не снижая объема социальной деятельности.

Названный выше принцип предполагает, что *общественно-государственные ресурсы не могут использоваться для обогащения частных лиц или компенсации их потерь от неудачной игры на рынке*. Речь в данном случае идет не о коррупции и других нелегитимных каналах, а о легитимном перераспределении. Социальное государство никогда *не должно поддерживать собственника, проигравшего (разорившегося) в результате его рыночной активности*.

Третий принцип – развернутая система социальных, экологических и гуманитарных нормативов. Он хорошо известен, но об этом следует еще раз напомнить, ибо в условиях неолиберального реванша многие из них подвергаются ревизии или фактически нарушаются.

Четвертый принцип – обязательное развитие социально ответственного бизнеса и социального партнерства. В расширительной трактовке *социальная ответственность бизнеса состоит в принятии на себя некоторых, в принципе не свойственных капиталу, обязательств по отношению к работникам, государству и обществу, а также в самоограничении своих специфически капиталистических экономических интересов и, следовательно, доходов*. Характеристику этих обязательств и

самоограничений я приведу в докладе далее.

Пятый принцип, о котором в последнее время особенно много говорится на Западе (но, к сожалению, не в России), – жесткие экологические стандарты.

Названные выше принципы социально ориентированной модели экономического развития корреспондируют с различными аспектами социальной ответственности бизнеса (предлагаемая модель включает и ряд других принципов, но они не являются предметом нашего доклада). В рамках данной – назовем ее социал-демократической – модели экономического развития социально ответственная корпорация или бизнес других масштабов (малое предприятие, кооператив и т.д.) – это не только предприятие, которое призвано получить максимум прибыли. Это нечто более сложное, с более сложной системой целей, средств и правил поведения.

Одной из важных составляющих социальной ответственности бизнеса является то, что коллектив работников наделяется определенными правами, в т. ч. определенной частью прав собственности, если использовать язык нового институционализма. У этого направления экономической мысли есть плодотворная идея о том, что собственность – это пучок прав, и каждая ветвь – это отдельное правомочие. Эти ветви системы прав собственности распределены между разными реальными акторами корпорации, часть прав принадлежит государству, даже если это частная корпорация, также часть прав принадлежит, может быть, обществу, даже если корпорация, повторю, частная. В этом случае, если мы смотрим на систему прав собственности и социальную ответственность бизнеса в расширительной трактовке (я перейду к Востоку чуть позже), оказывается, что работники корпорации обладают большими правами, даже если они не имеют ни одной акции, а в большинстве случаев они имеют и значительную часть акций в этой корпорации, например, в рамках плана ESOP (Employee Stock Ownership Plan – план акционерной собственности работников) в таких странах, как США, Европа, Япония¹⁰. Есть положительный опыт успешной организации и развития коллективных предприятий и в Китае, к которому мы обратимся далее.

Кроме участия в прибыли компании работники обладают и другими важными правами, наделение которыми работников является значимым проявлением социальной ответственности бизнеса. Например, в ФРГ представитель совета трудового коллектива или производственного совета входит в совет директоров с правом решающего голоса и с правом вето по ряду социальных вопросов. Это очень «жесткая» для компании ситуация, полагаю, что российский бизнес к этому в 90% случаев не готов и будет рассматривать это как нарушение прав частной собственности, тогда как в ФРГ, Бразилии, Венесуэле, на некоторых предприятиях Китая так не считают. В Японии, как известно, существуют

10 См., напр.: На пути к рабочему контролю и самоуправлению трудящихся / Под ред. А. Колганова, Э. Рудыка, Э., Дж. Симмонса. М.: Слово, 2001. 264 с.

«кружки качества» и другие формы участия в управлении.

Дадим краткую характеристику успешного опыта развития коллективных предприятий в Китае¹¹. Телекоммуникационный гигант Huawei («Ва-вэй») является частной компанией, принадлежащей сотрудникам. Компания основана в 1987 г. Реном Женфеем, в настоящий момент она объединяет около 170 тысяч сотрудников по всему миру и обслуживает более 3 млрд клиентов. Отметим, что основатель компании разработал план ESOP (программу участия работников в прибылях) в определенной степени под влиянием особой атмосферы в Китае того времени – борьбы с последствиями культурной революции, когда собственники многими воспринимались негативно. В такой ситуации для основателя компании было безопасней не быть единоличным владельцем. Вместе с тем, на выбор основателя компании повлияли и традиционные для Китая ценности, о которых мы скажем далее.

По данным годового отчета за 2014 г. основатель компании владеет лишь 1,4% от общего акционерного капитала, а остальные акции принадлежат более чем 82 тыс. сотрудникам холдинга¹². Сотрудники получают большую часть доходов компании. Суммарная чистая прибыль Huawei за последние два десятилетия существенно меньше, чем прибыль, направленная на выплаты сотрудникам: сумма заработной платы, премий и дивидендов сотрудников – с одной стороны, и годовой чистой прибыли компании – с другой, соотносятся как 2,8:1 (компания планирует увеличить это соотношение до 3:1).

Можно назвать две предпосылки, повлиявшие на выбор основателем компании Huawei формы ESOP. Первая предпосылка – ценности равенства и гармонии, которые восходят к традиционному для Китая конфуцианству¹³. Эти ценности являются основой желания создателя компании предотвратить слишком большой разрыв в богатстве между сотрудниками. Вторая посылка основана на идее справедливости, и подразумевает, что чем лучше сотрудник работает, тем больше он

11 Характеристика приводится на основании материалов статьи: David De Cremer, Tian Tao. Huawei: A Case Study of When Profit Sharing Works // Harvard Business Review. September 24, 2015. URL: <https://hbr.org/2015/09/huawei-a-case-study-of-when-profit-sharing-works> [проверено 01.12.2015] (см. также перевод статьи на русский язык: Дэвид Декремер, Тиан Тао. Когда участие в прибылях работает. 15.12.2015. (Электронный ресурс). URL: <http://www.arbconsulting.ru/about/blog/marketing/2015/12/15/uchastie-v-pribyljah.html>? [проверено 20.12.2015]).

12 То, что при общей численности сотрудников более 170 тыс., только 82 тыс. из них владеют акциями, обусловлено во многом тем, что из-за юридических тонкостей не китайские работники не могут принять участие в ESOP, несмотря на их желание. Чтобы преодолеть это ограничение, компания Huawei в 2014 г. разработала новую долгосрочную программу стимулирования (TUP).

13 Заметим, что исследователи отмечают большое значение принципов конфуцианства в распространении различных форм корпоративной социальной ответственности среди предприятий Китая, а не только формы ESOP. См., напр.: Bergman, Zinette, Bergman, Manfred Max, Baocheng Liu, Jiaqi Zhang. The Roots of Corporate Philanthropy in China // Journal of International Business Ethics. 2015. Vol. 8. Issue 1. P. 3-27.

может заработать. Здесь следует отметить важный момент: сверхурочная работа оплачивается только в случаях, когда она непосредственно направлена на достижение положительных для клиентов результатов.

Рассмотрев положительный опыт применения формы ESOP в одной из крупнейших китайских компаний, действующих на глобальном рынке, вернемся к дальнейшей характеристике составляющих социальной ответственности бизнеса.

Вторая составляющая: корпорация считается социально, экологически, гуманитарно ответственной в случае, если она накладывает ограничения на рост прибыли, используемой в целях развития собственно корпорации как таковой, и все доходы, которые она получает сверх этой установленной ею нормальной нормы прибыли она использует для решения социальных, гуманитарных, экологических проблем. Это касается вложений в экологические программы, поддержки общественных организаций, решения проблем стран Третьего мира, инвестиций в образование и т. д. В ряде стран – скорее, не Востока, а Скандинавии, корпорации участвуют в государственно-частном партнерстве (ГЧП) с целью развития университетов и целого ряда других направлений общественной жизни. Это расширительная трактовка социальной ответственности бизнеса, к которой мы еще вернемся в конце доклада.

В мире бизнес работает, придерживаясь и той, и другой трактовки социальной ответственности. Есть еще третий способ работы бизнеса, который построен на синтезе отношений постсоветского патернализма, позднего феодализма и полупериферийного рынка¹⁴. Это то, что характерно для России. У нас бизнес в значительной степени зависим от государства не как от актора, который регулирует экономику в соответствии с программами развития, активной промышленной политики и т. д., а как правило, зависит через личную унию: руководитель поднимает телефонную трубку, набирает определенный номер и говорит: «Уважаемый Иван Иванович, я считаю, что ты должен сделать то-то и то-то». Это может быть начальник в деревне, губернатор или другой чиновник.

Это не социальная ответственность бизнеса, это внеэкономическое регулирование со стороны государства – полупатернализм, точнее, отчасти патернализм советского стиля, отчасти – феодальная модель вассальной зависимости бизнеса от государственных чиновников. Эту сторону мы оставляем за рамками нашего разговора и абстрагируемся от того, что данная проблема является едва ли не самой главной для

14 Подробнее см. серию статей: Бузгалин А. В., Колганов А. И. Российская экономическая система: некоторые итоги «реформ» // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 8. С. 8–19; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Российская экономическая система: специфика рынка и его корпоративно-государственное регулирование // Проблемы теории и практики управления. № 9. С. 8–16; Бузгалин А. В., Колганов А. И. Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // Проблемы теории и практики управления. № 10. С. 8–17.

российского бизнеса, т. к. у нашего доклада другая тема.

Перейдем к вопросу о том, как и что можно использовать из опыта Востока. Из этого опыта можно использовать прежде всего понимание противоречий, которые там есть. В отличие от ряда моих коллег, с которыми мы солидарны во многих позитивных оценках Китая, я бы считал, что главные угрозы Китая состоят не в этом. Главные угрозы Китая самому себе и миру в целом состоят в очень высоком уровне социальных и структурных противоречий, которые пронизывают эту страну. Уровень социальной поляризации в Китае намного выше, чем в европейских странах. Заметим, что существуют две различные оценки неравенства в Китае по коэффициенту Джини: на основе официальных данных Национального статистического бюро (НСБ), впервые опубликованных в 2013 г., и на основе данных Исследования финансового состояния домохозяйств Китая (ИФСДК), впервые проведенного в 2010 г. Коэффициент Джини, опубликованный НСБ, в 2010 г. составлял 0,48, тогда как по данным ИФСДК этот показатель достигал значения 0,61. Исследователи отмечают, что коэффициент Джини, рассчитанный на основе данных ИФСДК, лучше отражает реальную картину неравенства в Китае. Неравенство в Китае значительно превышает границу социальной нестабильности, за которую принимается коэффициент Джини, равный 0,5. Согласно данным ИФСДК, неравенство в сельской местности еще выше, чем в городах, то же можно сказать и о направлении запад-восток; чем более развит регион, тем значительнее в нем неравенство. Одной из проблем, усугубляющих ситуацию с неравенством в Китае, является то, что подоходный налог – ключевой инструмент для перераспределения дохода и одно из традиционных политических средств смягчения неравенства, оказывает очень слабое влияние на перераспределение в Китае (коэффициент Джини, рассчитанный до и после вычета налога, практически не изменяется)¹⁵.

Приведу небольшую иллюстрацию: Пекин, пятизвездочный отель, делегацию Всемирного марксистского конгресса ведут в ресторан настоящей сычуаньской кухни в центре Пекина. Нас ведут по главной улице, поворачиваем, проходим 200 метров (аналогично 200 метрам в сторону от Тверской или Нового Арбата в Москве) и оказываемся в мире, где на грязных заборах висит выстиранное белье, во дворе – мусор, залатанные стены, а в середине – шикарный сычуаньский ресторан, который очень отличается от всего, что находится вокруг.

Если говорить строже, то следует подчеркнуть: эти противоречия – главный вызов, который сегодня идет от стран догоняющего развития, и ответы на который эти страны сегодня

15 Характеристика ситуации с неравенством в Китае приводится согласно данным исследования, результаты которого опубликованы в статье: Ианнан Гуо, Заичао Ду и Лин Жанг. Гуаньси (Guanxi) и неравенство доходов в Китае // Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса / Под редакцией А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. М: Культурная революция, 2014. С. 143–160.

ищут. Далее приведу характеристику сложившегося в этих странах противоречия, показав, как оно корреспондирует с названными выше двумя трактовками социальной ответственности бизнеса.

Борьба идет между двумя основными направлениями, которые в России пока отсутствуют, но в перспективе и у нас может возникнуть нечто подобное. Направление номер один: дальнейшее развитие приватизации, коммерциализации, опора на транснациональные корпорации с последовательным все большим их акционированием в пользу частной собственности, либерализация экономической системы в сфере регулирования, т. е. снятие роли государства как регулятора развития, уменьшение значения плановых регуляторов и т. д. Подавляющее большинство членов экономического блока правительства в Китае являются сторонниками этой неолиберальной модели. Они выучились по американским учебникам, причем, скорее по монетаристским, чем по посткейнсианским, и активно предлагают эту модель.

Второе направление в Китае представлено генерацией в значительной степени старой, но воспроизводимой сейчас заново, людей, которые считают, что нужно сохранить традиции, социализм в Китае (там слова социализм не боятся), возродить марксистскую идеологию (так, в октябре 2015 г. в Китае проводился Всемирный марксистский конгресс (World Congress on Marxism)¹⁶ – чрезвычайно представительный форум, который продолжился Всемирным социалистическим конгрессом и Всемирным культурным конгрессом). Представители этого направления в значительной степени произносят «заклинания» в стиле партсобраний скорее даже сталинской, чем брежневской поры, имеют достаточно большое влияние среди руководства страны и выступают за другой экономический курс. В большинстве случаев они являются историко-культурно-экономическими консерваторами, считая, что конфуцианские традиции и великий опыт великого Китая со специфической этикой и т. д. есть та основа, на которой может вырасти новая китайская экономика. Это сильно перекликается с идеей фирмы-семьи, которая развивается в Японии уже на протяжении 50 лет, идеями пожизненного найма, участия работников в управлении на основе традиционных ценностей (в данном случае правовые нормы уже не так важны) и т. д. В этом случае активная роль отводится государству.

Но тут появляется некое меньшинство, находящееся «перпендикулярно» этой развилке. Я бы назвал их китайскими социал-демократами, но они так себя, конечно, никогда не назовут, поскольку это для Китая почти неприлично: там нужно быть либо марксистом, либо либералом (либерал – это прагматик, который «делает бизнес», нужный стране, а марксист – это «заклинание», которое произносится с партийной

трибуны. Я сам марксист, поэтому имею право говорить резко критически об этих «заклинаниях»).

Это третье направление мне кажется весьма интересным, и оно сегодня активно пробивает себе дорогу в значительной степени благодаря покровительству со стороны Си Цзиньпина, первого лица Китая. Этот лидер по-новому ставит задачи. Ключевая задача Китая, в т. ч. Нового шелкового пути – это превращение Китая в мировую культурную державу. Китайский Новый Шелковый путь – это миссия создания нового цивилизационного, культурного, человеческого проекта, за которым, конечно же, стоит много прагматики, прибыли, завоевания рынков и т. д., но они хотят это делать именно таким образом, т. е. создавая новую социально-культурно-гуманистическую, скорее даже, гуманитарную, сферу, новое пространство. Это не только красивые слова. Это некоторый набор символических действий. Так, в свободной экономической зоне китайцы всех иностранцев водят в экологический город, который построен по совершенно новому принципу. Он больше всего напоминает социалистические окраины европейских городов: трех-пятиэтажные домики, зеленые улицы, культурные центры, бесплатные и общедоступные социальные пространства, новые нормы, очень напоминающие моральный кодекс строителя коммунизма (таблички с этими нормами висят на улицах, и китайцы относятся к ним совершенно серьезно), свобода человеческого развития, приоритет человеческих ценностей и т. д.

Это все пока никак не связано с моделью реальных отношений на уровне бизнеса в Китае.

И третий параметр, тоже «перпендикулярный» – это государственное регулирование экономики. Оно сейчас идет в большинстве случаев не как социально-направленное, а как прагматично-направленное регулирование экономики с целью вывода Китая на мировые рынки при помощи долгосрочных программ экономического развития и серьезных инвестиционных проектов. Но при этом решаются и экологические задачи.

Что касается долгосрочных программ: на конференции до моего выступления уже упоминали скоростные дороги. Что сделала Россия для создания скоростных железных дорог? Она купила несколько составов у Siemens, и Siemens построил в России свой ремонтный завод. Что сделал Китай? Он купил патент на эти поезда (сегодня Китай, научившись на горьком опыте, для описания которого у нас сегодня нет времени, покупает прежде всего интеллектуальные продукты), потом купил завод, потом научил своих работников делать скоростные поезда (сейчас изготавливают по 250 поездов в год, т. е. по поезду в рабочий день), потом построил 15 тыс. километров скоростных дорог (что составляет более 10% общей протяженности железных дорог в Китае)¹⁷ и сейчас

16 Подробнее см.: First World Congress on Marxism held in Beijing. October 11, 2015 (Электронный ресурс). URL: http://www.business-standard.com/article/news-ians/first-world-congress-on-marxism-held-in-beijing-115101100086_1.html (проверено 01.12.2015).

17 По данным на конец 2014 г., за 6 лет с момента запуска первой высокоскоростной железнодорожной магистрали в Китае. Приводится по: China boasts world's largest highspeed railway network. URL: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-01/30/c_133959250.htm (проверено

продает эти поезда по всему миру. Эта программа государственная, при участии частного бизнеса.

Вторая программа, не имевшая экономических стимулов, но работающая в рамках этой социальной ответственности и новой гуманитарной, гуманистической и экологической доктрины: лидеры Китая поставили вопрос о решении экологической проблемы в городах. С углем они ее не решили, но с мелким транспортом решили. Изменения может заметить каждый, кто посещает крупные города Китая. Так, Пекин, Шанхай, другие крупные города Китая 5 лет назад характеризовались издающим много шума и загрязняющим воздух скоплением мелкого транспорта: мотороллеры, грузовые мототележки, мотоциклы и т. д.; сейчас на улицах тишина, преимущественно вы можете увидеть электровелосипеды (электробайки), электромотороллеры, электроповозки. Единственное «неудобство», которое они добавили пешеходам, это то, что нужно быть более внимательными, чтобы вовремя заметить, что едет бесшумный транспорт. За 5 лет в Китае пересадили на электротранспорт как минимум 100 млн. человек по самым скромным подсчетам¹⁸. Бесшумный, экологичный электротранспорт широко используется в Китае и в сфере обслуживания (даже у дворников есть служебные трехколесные электровелосипеды с баками для мусора). Наиболее распространены электровелосипеды в четырех сферах малого бизнеса: подвоз пассажиров (электровелорикши с сидячими местами от 2 до 4-х человек дополняют парк такси), курьерская доставка (по скорости в пределах района города почти не уступающая автомобильной доставке и обеспечивающая более низкие затраты по сравнению с последней), перевозка мелких партий грузов и торговля «с колес»¹⁹. Властями целенаправленно создается инфраструктура для стимулирования использования электровелосипедов: например, около станций метро в больших городах можно встретить даже двухрусные велосипедные стоянки. Распространен среди жителей больших городов и вариант, когда один участок пути – от дома до станции метро – преодолевают на одном велосипеде, оставляют его на стоянке, а вторую часть пути – от станции метро до работы – проделывают уже на втором велосипеде, оставленном на стоянке у метро прошлым вечером²⁰. Пробки в Пекине есть, но с

Москвой это не сравнимо. Еще одним преимуществом электробайка по сравнению с автомобилем является то, что на электробайке можно ехать со скоростью в среднем 30 км/ч, что в несколько раз быстрее, чем на машине в Москве.

Столкнется ли эта государственная политика, положительные результаты которой были рассмотрены мной выше, с инициативой со стороны бизнеса? Пока в Китае бизнес, и государственный, и частный, ведет себя предельно жестко, можно сказать, жестоко, по отношению к работникам, и пока о социальной ответственности в массовых масштабах речи не идет. Компании, соблюдающие принципы корпоративной социальной ответственности, безусловно, в Китае есть, и я обращался к положительному опыту одной из них в своем докладе, но массовым этот опыт пока не стал²¹. При этом исследователи особенностей развития корпоративной социальной ответственности в Китае отмечают большую роль государства в распространении ее принципов (посредством требований к компаниям с государственным участием и требований к бизнесу в целом, задаваемых с помощью различных инструментов экономической политики)²².

По итогам сказанного, можно сформулировать вызов для России – идеальный, но пока не реалистичный: китайская модель макроэкономического регулирования, в т. ч. экологически-ориентированного, и социально-ответственный бизнес в стиле корпорации Nokia (когда я рассказывал о самоограничениях прибыли и прочем, я имел в виду корпорацию Nokia).

В заключение приведу расширительную трактовку социальной ответственности бизнеса, исходящую из приоритетов эко-социо-гуманитарно ориентированного развития (или, другими словами – социально ориентированного развития)²³. Отдельные аспекты этого расширенного понимания социальной ответственности бизнеса были охарактеризованы мной в ходе доклада. Здесь же суммирую: социальная ответственность бизнеса состоит не только в том, чтобы не сокращать искусственно рабочие места, соблюдать условия коллективного договора и неукоснительно платить налоги: все это не более чем соблюдение правил рынка. В расширительной трактовке *социальная ответственность бизнеса состоит в принятии на себя некоторых, в принципе не свойственных капиталу, обязательств по отношению к работникам, государству и обществу, а также в самоограничении*

01.12.2015).

18 По другим данным, в 2014 г. в Китае использовалось почти 120 млн электробайков, тогда как еще десятилетие назад их было 50 тысяч (см.: Электровелосипед в Китае вчера сегодня завтра 30.11.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://voltreco.ru/news/news_post/elektrovelosiped-v-kitae-vchera-segodnya-zavtra (проверено 01.12.2015).

19 Подробнее об особенностях использования электровелосипедов в сфере обслуживания Китая см.: Электровелосипеды в сфере обслуживания Китая. Часть 1. 2012-10-11. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-bike.com.ua/viewarticle/id/440/> (проверено 01.12.2015).

20 Приводится на основании публикации: 100 специальностей электровелосипеда в Китае. 2015-02-09. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-bike.com.ua/viewproduct/sku/MAI-003225/> (проверено 01.12.2015).

21 О противоречиях развития социальной ответственности в Китае см.: Graafland, Johan, Zhang, Lei. Corporate social responsibility in China: implementation and challenges // Business Ethics: A European Review. Jan2014. Vol. 23. Issue 1. P. 34-49.

22 Подробнее об этом см., напр.: Zhu, Qinghua, Zhang, Qiangzhong. Evaluating practices and drivers of corporate social responsibility: the Chinese context // Journal of Cleaner Production. Aug2015, Vol. 100, p. 315-324;

23 Данная трактовка была сформулирована в диалоге с коллегами. Подробнее см.: Бузгалин А. В., Гринберг Р. С., Колганов А. И. Глобальный мир в тупике. Где выход? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 3–13.

своих специфически капиталистических экономических интересов и, следовательно, доходов. В частности, речь может идти о (1) развитой системе социального партнерства, вплоть до участия работников в контроле и управлении; (2) прозрачности управленческой и экономической деятельности, вплоть до информации обо всех видах доходов и благ, получаемых менеджментом, в т. ч. членами Совета директоров; (3) ограничении уровня дифференциации доходов работников корпорации (от рабочего до президента) – не более 10-15 раз; (4) сознательно реализуемой долгосрочной стратегии направления прибыли, получаемой сверх нормативной (скажем, средней по отрасли), на решение социальных, культурных, экологических и т. п. проблем региона, страны и (в случае ТНК) мира.

